

Глава 3

МЕТОД ДИАГРАММ

(А.Р. РЭДКЛИФФ-БРАУН)

Следующий шаг в развитии метода Моргана и Риверса был сделан Рэдклифф-Брауном, который впервые заметил, что классификационные системы имеют не расширяющийся, а замкнутый, циклический, *круговой* характер (позже при анализе конкретных диаграмм родства будет показано отношение «круговой поруки» при заключении брачных союзов между локальными группами). Это свойство было впервые им сформулировано именно графическим способом — в виде диаграммы родства народа кариера, из которой видно, что та или иная классификационная система родства может быть отображена не с помощью нескольких схем на отдельных листах, а с помощью одной схемы.

Во время экспедиции в Западную Австралию в 1911 г. при сборе информации по родству (по «системам счета родства и свойства») Рэдклифф-Браун пользовался генеалогическим методом. Неизвестно, насколько он был знаком со статьей Риверса 1910 г., однако на практике он неукоснительно, буквально во всех деталях, следовал рекомендациям Риверса. Занимаясь составлением многочисленных генеалогий, он выявлял список терминов родства с их актуальными денотатами [Radcliffe-Brown 1913: 151, 156].

По наблюдениям Рэдклифф-Брауна, в традиционных условиях коренные австралийцы обладали очень развитой генеалогической памятью. С помощью генеалогий, которые хранят в голове представители старших поколений, можно установить характер родственных отношений между двумя любыми членами одного и того же племени. Чужак никогда не войдет на территорию стоянки до установления его родственных связей с обитателями лагеря. При этом точкой отсчета родства для австралийцев служит **имя** человека, который является *маели* (отцом отца) пришельца («Кто твой *маели*?») [Radcliffe-Brown 1913: 151]. Это обусловлено обычаем, согласно которому «домом» человека является местность, принадлежащая его отцу и отцу отца [Radcliffe-Brown 1913: 146]. Подобные «дискуссии»

продолжаются до тех пор, пока не будут установлены связи со всеми присутствующими в лагере. В том случае, если это не удастся, пришелец подвергается смертельной опасности. Человек, не состоящий в родстве с обитателями лагеря, является врагом по определению (или даже представителем потустороннего мира. — П.Б.) [Radcliffe-Brown 1913: 151].

Как поясняет Рэдклифф-Браун, «только те родственники, по отношению к которым применяется определенный термин, вносятся в список» [Radcliffe-Brown 1913: 146]. При этом заранее оговаривается, что любой термин, например *тама*, имеет не только «первичное» значение. На вопрос «Кто твой *мама*?» карьера называет имя своего действительного отца, но применяет этот термин также к брату жены брата матери, брату матери мужа сестры и ко многим другим лицам так, что число родственников, обозначаемых (“denoted”) одним термином, может увеличиваться бесконечно [Radcliffe-Brown 1913: 149]. «Хотя, — пишет Рэдклифф-Браун, — использование терминов родства основано на действительных связях по крови и по браку (“consanguinity and affinity”), оно простирается настолько, что охватывает всех, кто вступает в социальный контакт друг с другом. Если взять любого члена племени, каждый человек, с которым он имеет какие-либо социальные отношения, ставится к нему в определенное положение, обозначаемое (“denoted”) соответствующим термином, и называется этим термином. Таким образом, все сообщество образует собой корпус родственников» [Radcliffe-Brown 1913: 146]. Имя собственное в повседневной жизни используется только в одном случае — когда родители обращаются к своим маленьким детям. Во всех других ситуациях используется определенный термин родства (это коррелирует с обычаем табуирования личных имен в качестве средства защиты от вредоносной магии. — П.Б.) [Radcliffe-Brown 1913: 146].

На стадии изучения взаимосвязей (взаиморасположения) денотатов Рэдклифф-Браун переходил к «методу вопросов и ответов» с использованием местных терминов родства в их «первичном», или «специфическом», значении [Radcliffe-Brown 1913: 150]. В целом из контекста его высказываний можно заключить, что при накладывании списка денотатов — подобно сетке — на этнографическую реальность связь денотатов с различными институтами традиционной культуры, в том числе с брачными обычаями, выявляется как бы сама собой. Как он пишет, из собранных им генеалогий становится

видно, что в тех случаях, когда это возможно, брак заключается с кросскузиной первой степени (“first cousin”), а это, в свою очередь, связано с обычаем обмена сестрами и особыми отношениями с *кага*, братом матери, который выступает в роли лица, отдающего в жены свою дочь. Если действительный брат матери не имеет дочерей, *Ego* обращается к другому лицу, занимающему позицию *кага* в силу того, что его женой является сестра отца *Ego*. В затруднительных с точки зрения брачной конъюнктуры случаях в роли отца жены может выступать «дальний» *кага* (“distant *kaga*”) [Radcliffe-Brown 1913: 154].

При описании систем родства австралийцев Рэдклифф-Браун явочным порядком, по факту сравнений с системами родства «цивилизованных сообществ» (в частности, английской), следовал теории двух форм родства [Radcliffe-Brown 1913: 150, 158]. В качестве примера того, как в отличие от английской работает система родства карьера, Рэдклифф-Браун рассматривает способ определения степени родства между двумя незнакомыми друг с другом индивидами А и В. Индивид А имеет родственника С, который является его *мама*. В то же время С является *кага* индивида В. Из этого непосредственно вытекает, что А и В являются *кумбали* по отношению друг к другу [Radcliffe-Brown 1913: 150–151]. Впоследствии все исследователи при характеристике классификационных систем родства приводили подобные примеры. Это означает, что, приступая к системам родства, не следует заранее решать, кем мы являемся: эволюционистами или антиэволюционистами. Какой подход избрать, диахронический или синхронический, становится ясно только в ходе анализа самих явлений родства. Примените к ним структурный метод, и они сами разложатся (или не разложатся) на стадии развития.

Точно так же «абстрактно», т.е. как не имеющий непосредственного отношения к делу, выглядит и вопрос о сущности («природе») родства, биологической или социальной. Искомый ответ содержится в процессе изучения (т.е. абстрагирования) явлений родства. Нельзя противопоставлять эти точки зрения в самом начале исследования, так как нельзя исключать возможности, что данное противопоставление не понадобится вообще. Проиллюстрируем это на примерах конкретных высказываний.

Первое из важнейших положений Рэдклифф-Брауна состоит в утверждении, что системы родства австралийцев представляют

собой не только набор наименований или «терминов обращения», но прежде всего систему взаимных прав и обязанностей¹, регулируя всю социальную жизнь людей [Radcliffe-Brown 1913: 157]. Второе гласит, что австралийские системы родства основаны на отношениях по крови и браку, которые прослеживаются благодаря генеалогическим знаниям лиц старшего поколения, причем, по его мнению, внимание австралийцев к учету реальных уз по крови и браку не меньше, а больше (чем в европейском обществе. — П.Б.) [Radcliffe-Brown 1913: 157–158]. Или: реальные связи по крови никогда «не теряются из виду» [Radcliffe-Brown 1913: 150–151]. Третье положение касается процедуры распространения отношений родства на всех лиц, с которыми индивид вступает в контакт [Radcliffe-Brown 1913: 157].

Попробуем разобрать эти высказывания на составляющие элементы. Во-первых, как при определении понятия систем родства австралийцев признак «взаимные права и обязанности» совместить с признаком «отношения по крови и по браку»? Предположим, что ответ на заданный вопрос можно найти в работе «Социальная организация австралийских племен», опубликованной в 1930 г. и венчающей собой его концепцию классификационной системы родства. В этой работе Рэдклифф-Браун понимает под родством генеалогические (кровные) связи, которые он, в свою очередь, трактует как отношения между членами одной семьи: предки-потомки («родители и дети»), сиблинги («дети одних и тех же родителей») и супруги («родители одних и тех же детей», или «муж и жена») [Radcliffe-Brown 1930: 42–43]. По его представлениям, все эти отношения являются чисто социальными, поскольку в традиционном обществе австралийцев понятие родства не подразумевает учета физиологических аспектов человеческого существования (биологическая связь между родителями и детьми трактуется как не имеющая значения) [Radcliffe-Brown 1930: 42]. Кроме того, Рэдклифф-Браун поясняет, что генеалогические связи в указанном смысле сами по себе

¹ Ср. выше: Малиновский писал, что отношения родства — это вопрос «плоти и крови» и потому не поддаются табуляции. Согласно Рэдклифф-Брауну, отношения родства — это вопрос «прав и обязанностей». Отсюда можно сделать вывод, что родство поддается описанию с помощью общих схем, или, если угодно, формул. В конце концов генеалогическое древо тоже формула.

не составляют систему родства, но служат лишь своего рода каркасом («базисом») системы родства [Radcliffe-Brown 1930: 43–44].

Кажется, единственный способ объединить эти высказывания вполне непротиворечивым образом — повторить слова Моргана, что система кровного родства является формальным выражением семейных отношений (см. выше: [Morgan 1871: 10]). Но если это так, то каким волшебным образом моделью столь важной и всеобъемлющей сферы традиционной жизни оказывается нечто чисто эфемерное с точки зрения самой культуры? В некотором пределе придется признать правоту тех исследователей, которые во времена Моргана рассматривали открытые им классификационные терминологии родства как «форму обращения», т.е. как признак отсутствия родства в собственном смысле слова. У исследователей, более близких нам по времени, это звучит так: либо генеалогическое родство, либо никакого [Lounsbury 1965: 142–185].

Однако, если, как было сказано выше, предположить, что противоположение биологического («объективного») и социального («субъективного») родства является «метафизической» проблемой, можно найти такое решение, которое не вынуждает нас проводить указанное различие, заменив его другим, более подходящим — между предметом и объектом исследования, между родством и его отражением в мышлении. С одной стороны, явления родства, как бы мы их ни определяли, с другой — теория, или язык, родства как совокупность терминов (понятий).

Здесь мы переходим к вопросу о том, что же на самом деле изучает этнография — терминологии или системы родства? Этот же вопрос можно поставить иначе: изучаем ли мы системы родства, изучая терминологию? По Рэдклифф-Брауну, терминология родства служит входом в систему родства, образующую собой структуру традиционного общества, но само по себе составление списков терминов родства не имеет никакого смысла без знания того, как происходит классификация родственников в соответствии с теми или иными «социальными задачами» (“social purposes”) [Radcliffe-Brown 1930: 43–44].

В работе 1918 г. Рэдклифф-Браун писал: «Под системами родства я подразумеваю (1) систему терминов, применяемых к родственникам, посредством которых (терминов. — П.Б.) субъект классифицирует своих родственников на определенное число видов, и (2) систему прав и обязанностей, с этим связанных» [Radcliffe-

Brown 1918: 224]. Следовательно, система родства — это множество, состоящее из двух подмножеств — системы терминов и системы прав и обязанностей. В работе 1930 г. он дал определение множеству «классификационная система терминологии родства», включив в это определение три признака («принципа»), которые мы находим в той или иной форме еще в работах Моргана и Риверса: 1) эквивалентность сиблингов; 2) эквивалентность родства и свойства; 3) эквивалентность биологического родства и социального родства [Radcliffe-Brown 1930: 43–44]. Данное определение порождает вопрос: являются ли перечисленные признаки признаками терминологии родства? Гораздо естественнее предположить, что это признаки социальной организации (системы прав и обязанностей).

На этом фоне особый интерес вызывает изобретение Рэдклифф-Брауном оригинального графического способа описания (точнее, метода табуляции), первоначально опробованного на системе родства народа кариера (рис. 4). В сущности, он как бы «дорисовывает» диаграмму Риверса, взяв за основу принцип построения, отражающий два параметра: связи по происхождению и связи по браку. Диаграммы Рэдклифф-Брауна являются уже не только

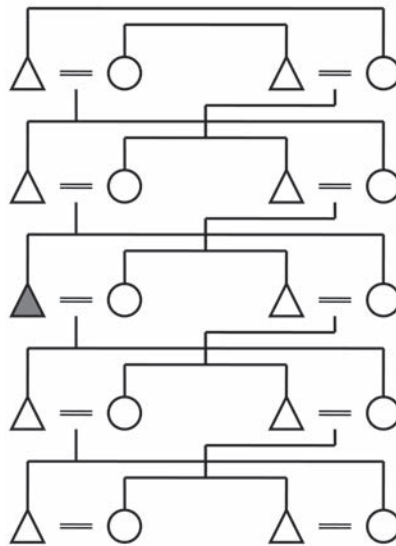

Рис. 4. Диаграмма системы родства кариера, по Рэдклифф-Брауну (1913)

частью метода сбора данных по системам родства, но способом теоретического анализа. Чтобы, как он пишет, *объяснить* систему карьера, он составил две «генеалогические таблицы» («говорящий — мужчина» и «говорящий — женщина»), посредством которых можно проследить родственные связи человека по отношению к любому другому члену сообщества [Radcliffe-Brown 1913: 151–153]. Эти таблицы, точнее диаграммы, представляют собой схемы денотатов, маркированных соответствующими терминами родства. Денотаты соединяются между собой линиями, обозначающими связи между сиблингами (горизонтальные линии), между смежными поколениями (вертикальные линии) и между супругами (знак тождества, или двойная горизонтальная линия) [Radcliffe-Brown 1913: 151].

Еще в 1913 г. Рэдклифф-Браун говорил об отличии систем родства народов мардудхунера (mardudhunera) и карьера, что касается правил, предписывающих брак не с дочерью брата матери (=дочерью сестры отца), а с дочерью дочери брата матери матери [Radcliffe-Brown 1913: 177, 184]. В 1918 г. он выделил два самостоятельных австралийских типа систем родства, которые обозначил как тип I и тип II. В системах первого типа выделяются только две линии происхождения: отца отца/брата матери матери и отца матери/брата матери отца. Пример систем данного типа дает «племя» карьера. В системах второго типа брат матери матери и отец отца различаются, как различаются брат матери отца и отец матери. Это ведет к выделению четырех линий происхождения: отца отца, брата матери матери, отца матери и брата матери отца, если счет вести по мужской линии. Примером второго типа является система родства «племени» аранда [Radcliffe-Brown 1918: 224]. На этом этапе при характеристике одной из систем родства второго типа он использовал несколько таблиц, представляющих отдельные линии родства, видимо, еще не догадываясь, как свести их в одну таблицу по аналогии с системой карьера. Лишь в 1930 г. ему удалось подобрать диаграмму для описания систем родства типа аранда, объединяющую все четыре линии [Radcliffe-Brown 1930: 35–63]. Создание такой диаграммы действительно представляет собой очень сложную графическую задачу. Трудность состояла в поиске алгоритма взаимного расположения пар сиблингов и супругов в пределах одного поколения (рис. 5).

По мысли Рэдклифф-Брауна, «генеалогические таблицы» выражают *законы*, по которым отношение между любыми двумя инди-

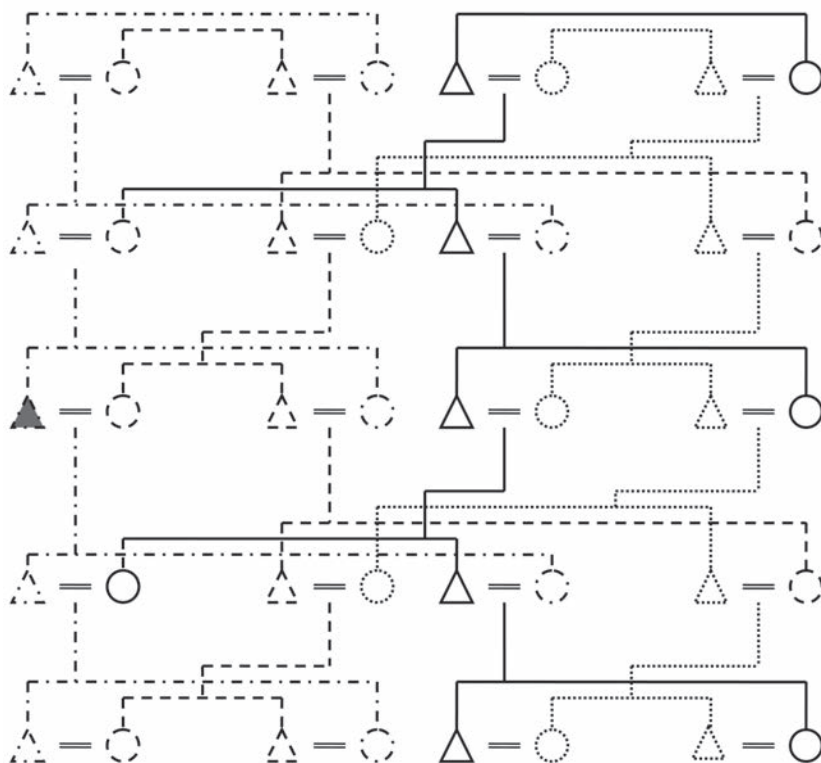

Рис. 5. Диаграмма системы родства аранда, по Рэдклифф-Брауну (1930)

видами можно вычислить через их отношение к некоторому третьему лицу [Radcliffe-Brown 1913: 154]. Глядя на его диаграммы, основной закон классификационных систем родства можно сформулировать как закон цикличности (замкнутости), что, заметим, противоречит принципам строения неклассификационных систем родства. Метод диаграмм позволяет буквально увидеть, в чем состоит настоящий смысл претензий, предъявляемых и к методу вопросов и ответов, и к генеалогическому методу. Согласно М.В. Крюкову, в обоих случаях, пользуясь этими методами при описании классификационных систем родства, этнограф исходит из особенностей своей собственной системы [Крюков 1972: 20, 23]. Однако диаграммы Рэдклифф-Брауна относятся к диаграммам «негенеалогического» вида. С этой точки зрения они являются моделью имен-

но классификационных систем родства постольку, поскольку с их помощью описать неклассификационную систему родства просто невозможно (ср. подлинно генеалогические диаграммы Моргана).

Впоследствии диаграммы Рэдклифф-Брауна с успехом применялись многими поколениями исследователей, но «аподиктичность» этих диаграмм распространялась только на австралийские материалы. Наиболее существенным достижением в этой области стало открытие австралийских систем третьего типа, характеризующихся нормативным браком с кросскузиной первой степени со стороны матери, когда дочь брата матери и дочь сестры отца не являются одним и тем же лицом. В данном случае асимметрия достигается запретом на обмен сестрами, когда мужчина не может взять в жены «сестру мужа сестры». Классическим примером этого типа считается система родства карадьери. Впервые этот тип был замечен и охарактеризован Рэдклифф-Брауном [Radcliffe-Brown 1951: 42]. Но свое окончательное графическое воплощение — в ранге особого типа систем родства — он получил в трудах австралийского ученого А.П. Элькина [Elkin 1956: 65]. Асимметричность систем типа карадьери отображается в «ступенчатом» характере соответствующей диаграммы (рис. 6).

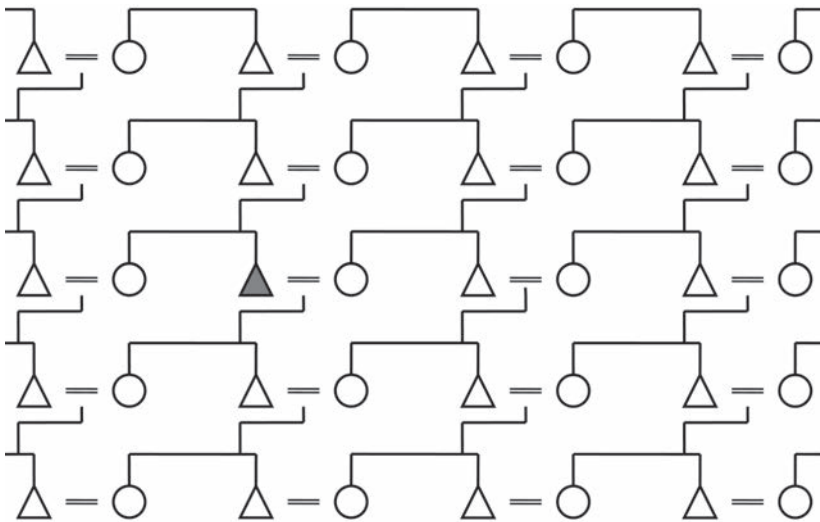

Рис. 6. Диаграмма системы родства карадьери, по Элькину (1956)

Наряду с этим Элькин также модифицировал диаграмму родства аранда. У Рэдклифф-Брауна все линии происхождения «прямые» (говорящий — мужчина), в том смысле, что «предки-потомки», которые принадлежат к различным линиям, помещаются на одной и той же вертикали. В то время как брачные линии (столбцы брачных пар) носят «ломаный» характер при идентичности рисунков перемежающихся поколений, что является отражением обычая, на котором основывается система родства аранда: формой предпочтительного брака является брак с кросскузиной второй степени. У Элькина, наоборот, регулярный характер носят брачные линии, тогда как линии происхождения на графике «смешиваются»; «прямой» остается только линия *Ego* (рис. 7). Таким образом, если не забывать диаграмму системы родства карадьери, перед нами наглядный способ доказательства неразрывности (неразличения) родства и свойства в качестве одного из определяющих признаков классификационных систем родства. При изменении «рисунка» брачных связей меняется «рисунок» родства, и наоборот. А поскольку в рамках классификационных систем графики родства и свойства изоморфны друг другу, эти подсистемы в интересующем нас плане можно рассматривать как «эквивалентные», или неразличимые друг с другом. Выражаясь языком Риверса (см. выше), диаграммы позволяют уловить тенденции, которые самими участниками процесса обычно не осознаются [Rivers 1971: 55–56]. Не можем же мы задать информанту абстрактный вопрос вроде: «Как Вы думаете, являются ли эквивалентными отношения родства и свойства?» Но мы можем увидеть это своими глазами на диаграммах, построенных на основе ответов на более конкретные вопросы.

Сравнивая модели исследования Риверса и Рэдклифф-Брауна, нельзя не заметить одно на первый взгляд поразительное обстоятельство. Последний при разработке своей концепции австралийской этнографической реальности в технологическом отношении двигался как бы навстречу Риверсу. Так же, как и Риверс, он отмечает необходимость использования строгого научного метода, который видел в собирании и изучении генеалогий, обеспечивающего точность, полноту и связность корпуса наблюдений, касающихся всех сторон социальной организации [Radcliffe-Brown 1930: 34–35]. Различие между ними состоит в том, что Риверс ставил перед собой задачу описания систем родства, а Рэдклифф-Браун — задачу изучения локальной организации. Двигаясь от описания локальных

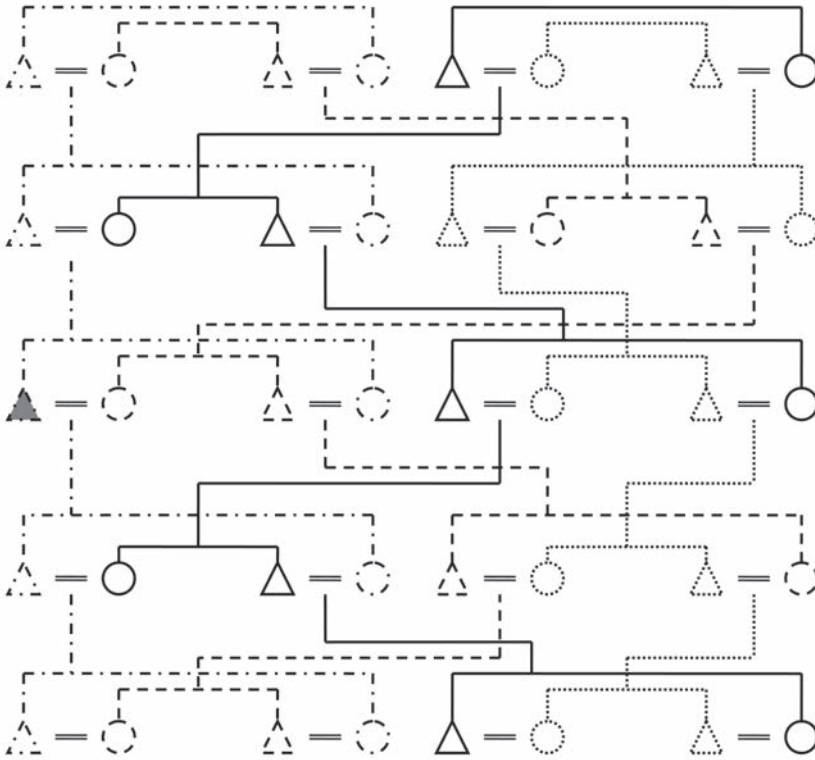

Рис. 7. Диаграмма системы родства аранда, по Элькину (1956)

групп с точки зрения отношений собственности на землю (отношений по принадлежности к земле), обмена женщинами между группами и т.п., он, пользуясь выражением Маркса, постепенно «испарял» совокупность эмпирических фактов повседневной жизни до простейших абстракций в виде диаграмм родства. В его собственных терминах все местные институты являются частью системы родства в качестве некоего всеохватывающего целого (или, лучше сказать, всепроникающего начала. — П.Б.) [Radcliffe-Brown 1930: 42].

Интерпретируя модель исследовательского поведения Рэдклифф-Брауна в этом ключе, мы фактически говорим, что источником классификационных систем родства являются особенности локальной организации охотников и собирателей, описываемые

с помощью понятия локального/мифологического родства [Белков 2000: 207–212; Белков 2009а: 111–121]. Понятие локального (пространственного, негенеалогического) родства в известной степени снимает различие между биологическим и социальным (спор о том, из какой материи, «светлой» или «темной», состоит родство).

В рассматриваемом контексте, пожалуй, наиболее уязвимое место концепции Рэдклифф-Брауна — это то, что он, по всей вероятности, считал для себя невозможным признать идейную преемственность по отношению к эволюционистам Моргану и Риверсу, вопреки тому обстоятельству, что в его методах, рассуждениях и выводах влияние (во всяком случае постоянное присутствие) их идей ощущается очень сильно. Практически все тезисы Рэдклифф-Брауна ставятся в соответствие с тезисами Моргана и Риверса. Речь идет о том, что отказ от наследия Моргана и Риверса означает отказ от универсальных предложений. Как кажется, именно по этой причине метод диаграмм Рэдклифф-Брауна был воспринят в научном мире как модель исследования ряда сугубо частных случаев (вплоть до снисходительных упоминаний в общем ряду различных «систем записи» терминов родства). Поэтому в настоящее время довольно часто приходится слышать, что концепция Рэдклифф-Брауна была *где-то когда-то кем-то* опровергнута.

Если исходить из контекста подобных заявлений, речь идет о направлении, исповедующем лингвистический (в более точном значении слова «неэтнографический») подход к исследованиям явлений родства, характерный для школы компонентного анализа, основателем которой следует считать Крёбера. Это направление, в отличие от школы Рэдклифф-Брауна, за целое столетие не представило никаких реальных результатов, но занимает в настоящее время господствующие позиции в исследованиях по родству именно потому, что предлагает или, скорее, претендует на универсальность своих конструкций, опираясь негласно на утверждения о частном характере концепции Рэдклифф-Брауна, якобы применимой только к австралийским системам родства.

К сожалению, Рэдклифф-Браун благодаря функционалистской, эмпирической, «скромности» своих формулировок (частные, «региональные» законы при синхроническом подходе превыше общих диахронических схем развития) давал достаточно много поводов для таких утверждений. Вместе с тем место своей концеп-

ции в исследованиях по родству он определил удивительно точно. Выдвигая на первый план вопрос о соотношении социальной организации и терминологии родства, он выступал одновременно против Моргана, полагавшего, что терминологии родства австралийцев не коррелируют с существующими формами социальной организации, и против Крёбера, утверждавшего, что надежная корреляция между терминологией родства и социальными институтами вообще невозможна [Radcliffe-Brown 1931: 426–427]. В плане отрицания отрицания он формулирует тезис о том, что терминология родства является интегральной (ответ Моргану), сущностной (ответ Крёберу) частью социальной организации [Radcliffe-Brown 1931: 427]. Таким образом, идеи Моргана, Крёбера и Рэдклифф-Брауна образуют классическую гегелевскую триаду «тезис — антитезис — синтез».

За неимением места для подробного анализа критики Крёбером моргановской схемы развития систем родства, которой де-факто придерживался Рэдклифф-Браун, остановимся на некоторых базовых положениях. «Достаточно беглого взгляда (“a moment’s reflection is sufficient”), — писал Крёбер еще в 1909 г., — чтобы увидеть, что каждый язык группирует под одним именем множество различных степеней и видов родства. Наше понятие “брат” включает как старшего, так и младшего брата, а также брата любого мужчины и любой женщины. Как следствие, оно охватывает или классифицирует четыре отношения. Английское слово “cousin” обозначает (“denotes”) как мужчин, так и женщин; кузенов со стороны отца или со стороны матери; кузенов, ведущих свое происхождение от брата родителя или сестры родителя; кузенов, которые старше или младше говорящего, либо кузенов, чьи родители старше или младше родителя говорящего; и кузенов любого мужчины или любой женщины. В конечном счете этим английским словом обозначаются (“denoted”) тридцать два различных отношения» [Kroeber 1971: 59–60]. Далее мы находим такие фразы: «...если следовать общепринятому пониманию того, что составляет классификационное родство (“classificatory consanguinity”), английский язык с его двадцатью терминами родства (“terms of relationships”) является не менее, но более классификационным, чем языки всех примитивных народов, которым случилось иметь двадцать пять, тридцать или более терминов»; «...тот эмпирический факт, что другой народ группирует вместе

различные отношения, которые наш язык разделяет, еще не делает их систему классификационной»¹ [Kroeber 1971: 60].

Уже из первого пассажа становится видно, как незаметно для читателя (и, вероятно, для себя самого) Крёбер вводит в сущности ни на чем не основанное (ни откуда не вытекающее) утверждение: группирование отношений родства есть результат (бессознательных) процессов, происходящих внутри языка («каждый язык группирует под одним именем множество различных степеней и видов родства»). Двигаясь к заранее известному результату, он постоянно подменяет понятие множества, являющееся предметом обсуждения. Это позволяет ему не замечать, что термины родства являются способом указания на денотаты.

Факты, которые он приводит, свидетельствуют не о том, что термины родства «цивилизованных» народов носят классификационный характер, но о том, что эти термины, как и термины родства «нецивилизованных» народов, являются денотативами. В этом ключе, например, нет особого смысла вводить понятие «описательные термины родства», имея в виду сложные (составные) термины вроде: «брат матери», «дочь брата матери матери». Простые (элементарные) термины «брат», «мать», «дочь», будучи денотативами, тоже являются «описательными». Как известно, для денотативов, или предметно ориентированных слов, характерна высокая вероятность совпадения семантического признака слова и признака обозначаемого им предмета.

В заключение Крёбер пишет: «Причину, почему смутная, неубедительная идея классификационной системы родства нашла такую широкую поддержку, следует искать не в коренном интересе к обозначениям родства как таковым, но в том факте, что термины родства обычно рассматривались в первую очередь как материал, на основе которого могут делаться выводы относительно организации общества и условий брачных соглашений. Если бы было более четко осознано, что термины родства определяются прежде всего лингвистическими факторами и только иногда, к тому же опосредствован-

¹ См. выше: по Малиновскому, в реальности вообще не существует классификационных терминологий. В этой точке «биологическое» (родство — это генетика, или генеалогия) и «лингвистическое» определения родства (родство — это терминология) совпадают, ибо одинаково отрицательно относятся к табуляции систем родства.

но, социальными обстоятельствами, возможно, уже давно было бы осознано, что различие между описательными и классификационными системами является субъективным и поверхностным» [Kroeber 1971: 64]. Впоследствии все свелось, казалось бы, к бесспорному утверждению: «Системы родства — это терминологии, терминологии — это классификации (“classifications”), а классификации — это отражения “психологических” процессов» [Kroeber 1917: 395]. Г.В. Дзибель предельно заостряет позицию Крёбера в этом вопросе. «По иронии судьбы, — пишет он, — Клод Леви-Стросс моделирует теорию родства посредством понятия лингвистического обмена, но упускает тот факт, что родство и есть лингвистический обмен (точнее, обмен терминами языка. — П.Б.)» [Dziebel 2007: 189]. Здесь кажется уместной такая аналогия. Придя в театр, зрители сдают верхнюю одежду в гардероб и взамен получают номерки. С упомянутой точки зрения все наоборот — номерки «получают» зрители.

В рассуждениях Крёбера и его последователей, вероятно, не всегда просто заметить подмену тезиса. Он берется доказать несущественность различия между классификационными и описательными системами родства, а доказывает нечто совсем другое — термины, обозначающие родство в классификационных системах, как и термины описательных систем, выступают в функции обобщений (“classifications”), следовательно, не существует никаких формальных признаков, по которым классификационные терминологии можно было бы отличить от описательных. Но в том-то и дело, что Моргана, а также Риверса и Рэдклифф-Брауна, интересовало различие между системами родства, а не между терминологиями родства. Крёбер пишет о первом, имея в виду второе. Разумеется, такая подмена была бы невозможна без постулата ««системы родства — это терминологии». Предполагается, что этот постулат очень легко обосновывается чисто эмпирическими средствами: если мы приступаем к изучению системы родства посредством сбора терминологии (принцип движения от «самого термина», или «плана выражения»), то терминология и есть система родства. Ложной является сама посылка, поскольку именно опыт показывает, что сбор сведений по системам родства начинается с таблиц, генеалогий, имен конкретных людей. И только затем в полученные схемы вставляются термины родства. Такой опыт был у Моргана, Риверса и Рэдклифф-Брауна, но не у самого Крёбера, который вполне добросовестно

предупреждает читателя, что результаты его собственных полевых исследований по системам родства калифорнийских индейцев не подкреплены сбором генеалогий или «конкретными сведениями» (“concrete records”) [Kroeber 1917: 340].

Кажущийся эмпирически обоснованным постулат ««системы родства — это терминологии»» проистекает не из факта его соответствия той реальности, которую составляют отношения родства, а из факта его соответствия той реальности, которую составляют отношения лингвистики и этнографии. Этот факт состоит в принципиальном различии их предметов, что можно продемонстрировать с помощью двух структурограмм (рис. 8, 9).

Относительно недавно в пользу лингвистического подхода, основанного на постулате о тождестве понятий систем родства и номенклатур родства, появился новый аргумент. Для Дуайта Рида так же, как и для Крёбера, синонимичность терминов «система родства» и «системы терминов родства» есть нечто само собой разумеющееся. Как он пишет, терминологические системы позволяют установить отношения между терминами, не прибегая к счету родства (генеалогическим расчетам), но только посредством самих терминов, посредством того, что он именуется «производством терминов родства» (“kin term product”). В частности, он ссылается Салинза, заметившего, что термины родства фиджийцев-моала позволяют двум относительно чужим людям быстро определить, в каких отношениях родства они находятся, не вдаваясь в сложные генеалогические расчеты, которые к тому же обычно им не под силу [Read 2009: 48–49]. «Если А относится к В как дитя к матери, *veitanani*, тогда как С относится к В как *veitacini*, сиблинг того же пола, то из этого следует, что А относится к С как дитя к матери, хотя они никогда не встречались вместе или не знали этого. Термины родства предсказуемы. Если два человека находятся в родственных отношениях к третьему, тогда они являются родственниками друг другу» [Sahlins 1962: 155]. Приведенная фраза представляет собой точное описание общеизвестного этнографического факта, но интерпретация Ридом в терминах теории «производства терминов родства» этому факту не соответствует. Прежде чем делать вывод о родственных связях с индивидом С, индивид А должен доподлинно, т.е. исходя из повседневной практики, знать, что индивид В является (называется) его *veitanani*. Следовательно, первый шаг при установлении степени родства (кого и каким термином называть) всегда делается с опорой

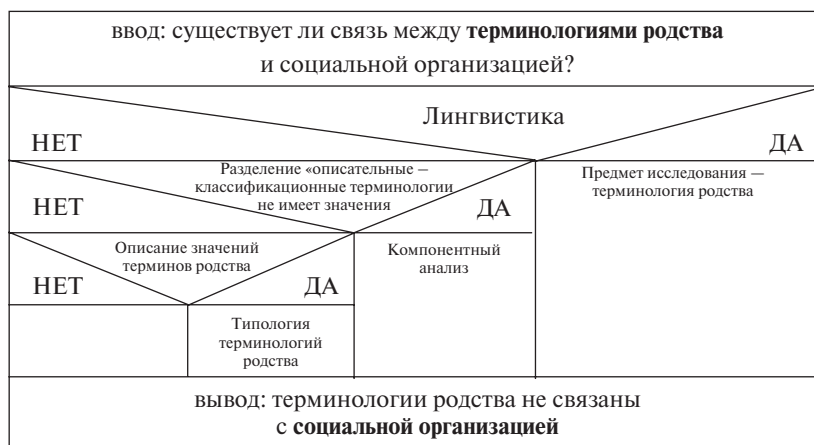

Рис. 8. Структурограмма лингвистики

Рис. 9. Структурограмма этнографии

на внеязыковую реальность, т.е. на то, что Малиновский называл «плотью и кровью» родства. Кого и как называть, учат «наизусть» с детства, начиная с простейших отношений, а затем применяя эти знания ко все более широкому кругу лиц. Таким образом, происхо-

дит не расширение значения терминов, а расширение числа людей, к которым они применяются.

При анализе данных по культуре арапеш (Новая Гвинея) Н.А. Бутинов пишет, что, пользуясь генеалогической схемой, этнограф впадает в иллюзию, будто диаграмма родства, полученная таким образом, является результатом деятельности самих носителей культуры: «Этнограф хочет узнать, как называет арапеш дочь дочери брата отца отца. Если прямо спросить: “Как ты называешь дочь дочери брата отца отца?” — арапеш, конечно, ничего не поймет. Поэтому этнограф чертит схему и спрашивает: “Кто твой отец? Кто отец твоего отца? Как зовут его брата? Как имя дочери этого человека? Как имя ее дочери?” Предположим, это женщина по имени Х. Теперь этнограф спрашивает: “Как ты называешь Х?” Арапеш отвечает: “Я называю ее сестрой”. Казалось бы, все ясно. Этнограф записывает, что дочь дочери брата отца отца арапеш называет сестрой. А на деле это не так. Арапеш вместо длинного (для него) генеалогического пути имеет другой, более короткий. К тому же если он может связать себя с отцом, отца — с его отцом и т.д., то это еще не значит, что он соединил все отдельные звенья этой схемы. Поэтому при ответе на вопрос: “Как ты зовешь Х?” он отводит глаза от схемы и думает только об этом лице. Ход его рассуждений при этом совершенно конкретен. Если брат этой женщины Y живет в его деревне, то он называет его своим братом. Этот брат зовет X своей сестрой, поэтому и он зовет ее своей сестрой» [Бутинов 1951: 20]. В этом отрывке нет никаких признаков опровержения генеалогического метода. Если нас «прямо спросить», как мы называем дочь дочери брата отца отца, мы тоже вряд ли сразу сообразим, что речь идет о троюродной сестре, или двоюродной кузине (“second cousin”).

В то же время в отрывке четко проступает *идея локальности*¹, определяющая понятие классификационного родства. Представители традиционных *культур* не хуже нас умеют пользоваться пошаговым («генеалогическим») методом построения родства. Суть раз-

¹ Объект «принцип локальности классификационных систем» представляет собой палиндром, поскольку может читаться как «геометрический код классификационных систем». С этой точки зрения две статьи, опубликованные на эту тему почти одновременно, организованы в единое пространство — это как бы один текст, который читается одинаково в обоих направлениях [Белков 2009а: 111–121; 2010b: 1–17].

личия в том, что классификационная система родства позволяет транспонировать матрицу родства путем замены столбцов на строки, вертикальной (временной) поверхности родства — на горизонтальную (пространственную). При этом действительно точкой отсчета является не термин родства (термины не висят в воздухе), а индивид из такой-то деревни, из такой-то местности, о котором говорящий «думает» посредством этого термина.

В конце концов, так называемый лингвистический подход даже в его наиболее чистом виде (без скрещивания лингвистики с этнографией) противоречит собственно лингвистической парадигме. «Излюбленным сравнением де Соссюра, — писал Ельмслев, — было сравнение языковой системы с шахматной игрой: шахматная фигура определяется исключительно своим соотношением с другими шахматными фигурами и своими относительными позициями на шахматной доске, внешняя же форма шахматных фигур и материал, из которого они сделаны (дерево или кость или иной материал), совершенно безразличны для самой игры. Любая шахматная фигура, например конь, имеющий обыкновенно вид лошадиной головки, может быть заменена любым предметом, предназначенным условно для той же цели; если во время игры конь случайно упадет на пол и разобьется, мы можем взять вместо него какой-нибудь другой предмет подходящей величины и придать ему ценность коня. Точно так же любой звук может быть заменен иным звуком или буквой или условленным сигналом, система же останется той же самой. Мне думается, что в силу этих тезисов де Соссюра можно утверждать, что в процессе исторического развития данного языка звуки его могут подвергаться и таким изменениям, которые имеют значение для самой системы языка, и таким изменениям, которые не имеют никакого значения для системы; мы таким образом будем принуждены отличать принципиально изменения языковой структуры от чисто-звуковых перемен, не затрагивающих системы. Чисто-звуковая переменная, не затрагивающая системы, может быть сравнена с таким случаем в шахматной игре, когда пешка, дойдя до противоположного конца доски, по правилам шахматной игры принимает ценность ферзи и начинает исполнять функции ферзи; в этом случае ценность ферзи перенимается предметом совершенно иной внешности; ферзь же совершенно независимо от этой внешней перемены продолжает быть ею в системе» [Ельмслев 1950–1951: 58–59].

Для нас сосюрровский образ должен означать, что нет решительно никаких оснований отступать от линии исследований, намеченной Рэдклифф-Брауном и его предшественниками в лице Моргана и Риверса. В их работах, как эмпирических, так и теоретических, различие между *терминами вместе с их значением* (внешней формой/материалом фигур родства) и *денотатами* (ценностью/функциями фигур родства), соответственно между лингвистикой и этнографией, проводится достаточно последовательно.